

А. А. Шафалович

ЮРИДИЧЕСКИЕ ФАКТЫ В РИМСКОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМА СИСТЕМАТИЗАЦИИ И ОБОБЩЕНИЯ

Введение. Богатейшая информация об отдельных юридических фактах римского права не получила в правовой науке какого-нибудь осмысления с точки зрения теории юридических фактов. Например, сделки изучались однотипно: с точки зрения формы, воли и структурных элементов. Романисты не пытались узреть общих закономерностей и особенностей, характеризующих сделки как вид правовых фактов. Наоборот, упоминая правовые факты, имели в виду в первую очередь их и изучали обособленно. Этот половинчатый подход к изучению взаимосвязи «правовой факт – сделка» не приемлем, хотя и отражен в современных отечественном и российском Гражданских кодексах: в отличие от определения договора, данного в них, нет прямого определения сделки и понятие сделки не наделено родовыми признаками. Иные правовые факты вообще получили спорадическое освещение в правовой науке. Что касается самой теории, то в лучшем случае по ходу исследования конкретных институтов выделялись юридические факты по волевому или формальному признаку.

Основная часть. Предыдущие исследователи единодушны во мнении, что раз у римлян не были выработаны категории или классификация юридических фактов, то ни теории юридических фактов, ни системы фактов у них не было. В такой постановке вопроса исследование теории юридических фактов оказывалось бесперспективным. По этим же основаниям романистика настаивала на отсутствии теории сделок: «В римском праве никогда не было ни общего режима, ни общей теории юридической сделки» [1, с. 41] (об этом же говорил Дж. Гроссо [2, с. 12]); «prudentes» ограничивались изучением каждого частного акта в отдельности, «в своей типичной конфигурации, или небольшими группами, исходя из аналогии функции сделки или ее структуры» [3, с. 369]. Аналогична ситуация с другими правовыми актами, например правонарушениями: «Римское право не выработало концепта правонарушения и, соответственно, не знало его общей теории, ограничиваясь знанием отдельных видов правонарушения с собственным режимом» [4, с. 187].

Романистика, считая институционную схему изучения римского права наиболее приближенной к римской правовой действительности, а потому единственно возможной, очень неохотно отходит от нее. Именно такой подход и не позволяет ей обнаружить элементы формирующейся в Древнем Риме теории юридических фактов. Этому препятствует господствующее убеждение, будто «институционный подход отрицает деление правового материала на общую и специальную части» [5, с. 121]. Традиционно считалось, что казуистика несовместима с теоретическим знанием. Согласно Дж. Гроссо и П. Бонфанте, римская юриспруденция «демонстрирует преимущественную тенденцию к конкретности, к сведению общей проблематики (даже с терминологической точки зрения) к разным фактическим составам касательно сделок, исследуемых в конкретности» [2, с. 112]; «римское право не любит ни больших обобщений, ни теории, ни практики и предпочитает множественность режимов, более приспособленную к разнообразию сделок» [6, с. 325].

В. А. Витушко указывает, что римская теоретическая юридическая мысль «еще не осознала необходимости в выведении такой абстрактной категории, как юридические факты» [7, с. 497]. Для возникновения теории юридических фактов, согласно его мнению, объективно не хватало условий, сопутствующих формированию науки о праве, представления о праве как социальном явлении, об универсальных правах человека [8, с. 4]. При такой постановке вопроса «теория права» является чем-то обособленным от «науки о праве». К тому же источники свидетельствуют, что римская казуистика уживается с «обособленной теорией» (D. 50, 16, 58 pr.; D. 50, 16, 19). Так, Цицерон верно подмечал: «Ни один предмет не может быть возведен на степень науки, если знаток предмета <...> не владеет общими началами, которые только и позволяют из донаучных сведений построить науку» (Cic., De orat., 1, 41). Известны теории владения, юридического правопонимания римских юристов и множество концепций, применимых к различным типам актов: сроки, «condicio» (условие), «causa» (основание) и др. Римское право впервые разработало также «право частной собственности – абстрактное право абстрактной личности» [9, с. 13].

Считалось, что институционная система права группировала все нормы права, согласно делению Гая, по лицам, вещам или искам (D. 1, 5, 1). Другой вариант перевода вместо исков говорит о дейст-

виях, способах приобретения имущества [10, с. 51]. Поэтому в историографии институциональная система выглядит так: лица, вещи и способы приобретения имущества (обязательства, действия) [11, с. 4–5]. Из ошибочности другого варианта перевода, по мнению автора, следует искажение системы римского права в историографии. Даже анализ названий титулов первых трех книг Дигест говорит о наличии общей и особенной частей в этом акте систематизации действующего права. Названия титулов свидетельствуют о принадлежности к общей части римского права, так как посвящены целям, источникам и системе права, правовому статусу субъектов права. В. С. Нерсисянц также говорит, что юрисконсульты, помимо отдельных отраслей права, «тщательно разработали обширный комплекс правовой проблематики в области общей теории права» [12, с. 430].

К слову, институциональная система римского права для ныне действующего права вовсе не является чужеродной или устаревшей, как некоторые полагают. Так, Е. А. Суханов и Л. Л. Кофанов считают, построение действующего Гражданского кодекса Российской Федерации в определенной мере соответствует римской схеме [13, с. 10]. По мнению В. П. Павлова, преимущество институциональной системы состоит в ее способности преодолеть «системный кризис», в котором, как ему кажется, оказалась российская цивилистика конца XX в. в силу следования пандектной системе, «с ее неразвитыми системообразующими элементами и удобным лишь в правоприменительной практике кодификационным приемом компактного изложения нормативного материала» [14, с. 210].

В рамках институционального подхода единственно возможным вариантом исследования теории юридических фактов было изучение отдельных юридических фактов. Отсюда утверждение, что создание теории юридических фактов в римском праве, в первую очередь, возможно применительно к институту сроков и их эффектов, затем – для юридических актов, правомерных и неправомерных, и только потом – теории юридических фактов вообще. Естественно, что институциональный подход, не обладая свойством обобщенного, упорядоченного знания, как основной характеристики любой теории, не способствовал обнаружению теоретических воззрений римлян на юридические факты. Для решения этой проблемы в римском праве необходимо комплексное, историко-теоретическое, сравнительно-правовое исследование, которое в пределах одной науки римского права невозможно. В силу вездесущности юридических фактов в праве для раскрытия

темы требуется рассмотреть все институты римского права, но под особым углом зрения – как систему юридических фактов.

Поэтому естественным выглядит обращение внимания романистов на изучение терминов, входящих в поле теории правовых фактов. Господствовало убеждение, что категория юридических фактов не свойственна римским юридическим источникам, но присутствует в них «латентно, косвенно». «Многочисленные подсказки» и упоминания о том, что мы считаем юридическим фактом и сделкой, были выявлены в текстах предклассической и классической эпох, но в первую очередь – в трудах позднеклассической и юстиниановской эпох [15, с. 159].

В силу того что римские тексты и их последующие исследования далеко не всегда согласуются между собой, господствовало мнение, будто римские категории, в отличие от современных, значительно более «расплывчаты, неопределенны и с трудом поддаются систематизации» [7, с. 493]. Д. В. Дождев менее категоричен в отрицании наличия категориального аппарата теории юридических фактов в римском праве: «Римское юридическое наследие сохранило следы попыток общей систематизации юридических сделок, однако они так и не привели к разработке сколь-нибудь устойчивой схемы» [16, с. 132]. Такое утверждение верно в первой части: Лабеон (D. 50, 16, 19) дает свое деление контрактов, что сейчас понимают как «классификацию сделок» [17, с. 306]. Вторая часть утверждения Д. В. Дождева приемлема с тем уточнением, что формирование теории предполагает не только статичный результат, но и динамику, перспективу развертывания идей.

Считалось также, что многие латинские термины «не технические», т. е. бытовые, а потому не способны привнести знания в копилку теории юридических фактов. А. Д. Малков вообще считает, что римские юристы раскрывали не сущность договора, а «содержание используемых терминов» [18, с. 184–185], с чем нельзя согласиться – наоборот, юристы через термин выясняли суть явления (Cic., *Top.*, 5, 28).

Автор считает, что первый вклад в копилку обобщенных знаний о юридических фактах в римском праве может сделать исследование латинских понятий и категорий. С учетом того, что «классические юристы всегда пользовались юридическими терминами в их строгом, точном правовом значении» [19, с. 98] и что «древний язык совершенно точно соответствует юридическому концепту» [20, с. 189], так

называемый феномен прозрачности латинских терминов позволяет систематизировать римские понятия. Б. Бьёнди в своей статье «Римская терминология как первая юридическая догматика» писал: «Определенно, первая и основная юридическая догматика заключена в термине» [20, с. 184]. Уже исходя из этого можно сделать вывод, что римские юристы выработали основы того, что сегодня называется теорией юридических фактов.

В римской юриспруденции категории (например, юридические факты, сделка), как наиболее важные системообразующие элементы в построении теории юридических фактов, еще отсутствуют. Однако имеются второстепенные для построения такой теории составные элементы. Это – понятия «factum», «actum», «gesta», «negotio», «conventio» и «раста» и другие. Это – достаточно обобщенные понятия, но всегда однородные, транспарентные, т. е. достоверно передающие свое юридическое содержание в общем термине, что свидетельствует о целевом предназначении термина – его массовом использовании. Просто институционная система римского права и иные сопутствующие ей факторы обусловили иной подход к формированию понятий теории юридических фактов. Это – понятия среднего уровня, равно отражающие казуистику и абстрактное обобщенное научное знание.

Романистика утверждала также об отсутствии упорядоченности самих правовых фактов. Так, Ф. Пастори заявлял: «В римском праве нет упорядоченности в регламентации юридических фактов, надо сказать, как и в современной теории, – это дело современной теории» [7, с. 497]. М. Таламанка писал: «Римские юристы, насколько известно, никогда не поднимали вопроса о систематизации общих терминов ни по поводу феномена частного юридического акта (сделки), ни, тем более, по поводу юридических фактов, в целом, категории вообще малопригодной в юридической практике» [21, с. 185].

Ошибочно господствующее мнение о расплывчатости, неопределенности и неподатливости к систематизации римских понятий – скорее наоборот. Ведь даже современная теория юридических фактов не может похвастаться однозначностью в понимании важнейших и, казалось бы, простых понятий, например, таких как юриспруденция. Представление о неопределенности римских понятий и отсутствии системности может возникнуть только, если исходить из оценки понятий в историографии и брать за критерий такой оценки современ-

ную систему понятий теории юридических фактов. Но у римлян – своя система понятий. Эта система чувствуется даже за косвенными упоминаниями о юридических фактах в дошедших до нас источниках, которые «высвечивают» аспекты, характерные развитому научному знанию. Наличие системы римских понятий подтверждает то, что они не дублируются и содержат в себе четко определенный концептуальный замысел, определяющий их место среди иных терминов. Развитие знаний о юридических фактах остановилось у римлян на уровне концептуального осмысления (общего замысла). Это уже не казуистический хаос – есть абстрактные понятия, но еще нет систематизирующих, основополагающих для теории юридических фактов категорий. Римляне были близки к их выведению. По точному замечанию М. Марроне, «пандектистика, опираясь на многочисленные подсказки в самих римских источниках и применив логический метод абстрагирования, легко обобщила содержащийся в них материал и вывела эти категории» [15, с. 159]. Образно говоря, римская картина юридического факта не была закончена: уже наметились, а иногда и четко очерчивались, фигуры, но еще слабо определена общая идея. На основе этого пандектистика и позднейшая цивилистика, придав четкость и упорядоченность уже имеющимся линиям и уточнив идею картины, смогли создать развитую теорию юридического факта.

Крайнюю позицию занял В. А. Витушко, утверждая об «отсутствии понимания системы и взаимосвязи юридических фактов» в Древнем Риме [8, с. 10]. Это неверно, так как всегда «общественные отношения объективируются в праве не непосредственно, а системно» [22, с. 168].

Настойчиво отрицая какую-либо систематизацию юридических фактов в римском праве, историография опять за отправную точку своего сравнения брала современную или приближенную к ней классификацию юридических фактов. И естественно, что при таком подходе разглядеть наличие собственной, римской системы понятий было трудно. Мнение, что «римские юристы, насколько известно, никогда не поднимали вопроса о систематизации общих терминов...» [21, с. 185], неверно. Даже с учетом психологии той поры, когда правомочие было сложно отделимо от обязанности, нельзя утверждать, будто «*prudentes*» не отдавали себе отчета о природной общности, например, всех частных актов. Осознание потребности в систематизации заметно в источниках, где используются термины достаточно обобщенные, хотя однородные: «*negotium*», «*contractus*» и др.

Римское право имело четкую систему фактов. В первую очередь, это – классификация исков, сделок и деликтов. Последние исследования законов XII таблиц вопреки устоявшемуся мнению также выявили их системный характер. Л. Л. Кофанов пишет: «На этот счет бытует весьма распространенное в научном мире ошибочное мнение, что этот архаический свод был лишен какой бы то ни было системы» [23, с. 306]. Далее он пишет: «Конечно, всякое очередное хаотичное накопление новых правовых норм и казусов вновь ставило задачу их систематизации, но римляне, будучи хорошо знакомы с системными принципами, рано или поздно, но всегда справлялись с этой задачей» [23, с. 308]. Поэтому не зря Цицерон восхищался системностью римского права (Сис., De orat., 1, 44).

В. Ф. Попондопуло также считает, что римляне создали «механизм очень точных и четко разграничивающих системообразующих понятий, востребованных и современной правовой наукой и практикой» [24, с. 12–13]. По верному замечанию В. А. Летяева, активное использование римской терминологии сегодня указывает на «рецепцию и авторитет именно римского исходного понятия» [25, с. 201]. Поэтому следует вывод о начальном этапе формирования общей теории права и ее категорий в римской юриспруденции, а не их отсутствии. С другой стороны, верно и то, что даже для современного права характерна «недостаточность развитости понятийного содержания» [26, с. 67].

Осознание римлянами системы и взаимосвязи юридических фактов, выраженное в фактических системах правовых режимов, институтов, в системе сделок, деликтов и исков, являлось предпосылкой для последующей систематизации терминов по поводу юридических фактов и формирует систему понятий теории юридических фактов. Уже в классическую эпоху заметны, говоря словами М. Таламанка, «некоторые отрывочные попытки систематизации» [21, с. 187] терминов, относимые к теории юридических фактов. Основная работа римской юриспруденции по концептуальному упорядочиванию юридических фактов шла на уровне правовых актов и сделок, что можно расценивать как прообраз классификации юридических фактов. То есть, начиная уже с этапа становления теории юридических фактов в Древнем Риме, очевидна тенденция к их обобщению и систематизации, вначале интуитивная, а позже все более осознанная.

Основная работа шла по формированию категории правовых актов, как системообразующей категории для теории юридического

факта в римской юриспруденции. Этому способствовала аналитическая работа римских юристов по упорядочиванию видов правовых актов, в ходе которой осознавались признаки юридических фактов в противопоставление иным социальным фактам, что в конечном итоге неизбежно способствовало уточнению пределов правового поля римского права и формированию самой категории юридических фактов, как одного из системообразующих признаков права как системы. Фактическая система притягивает, подбирает под себя «подходящие факты». Оценочным критерием такого подбора являются признаки юридического факта и само правопонимание.

Стремление упорядочить понятия теории юридических фактов предполагает осознание потребности в системе таких понятий. И если вообще допустимо говорить о том, что это «не привело к выработке их устойчивой системы» [16, с. 132], то только с тем уточнением, что этимологическое значение терминов неизбежно изменяется во времени. Следует помнить также о почти тринадцати веках развития римской правовой системы, и что в сравнении с ней современные понятия вообще неустойчивы. Упорядочивание видов правовых актов, в первую очередь сделок и исков, являлось большим шагом на пути еще большего осознания закономерных взаимозависимостей между систематизируемыми понятиями, в чем и заключается сущность теории юридических фактов. Понимание системы и взаимозависимости юридических фактов является неотъемлемым для упорядочения явлений и понятий, их определяющих. Тем самым была выявлена закономерность, начиная с этапа становления теории юридических фактов в римском праве, к их систематизации, вначале интуитивная, а позже все более осознанная и целенаправленная.

Автор различает «систему понятий» и «систему фактов» (фактическую систему), разные по уровню абстрактности и обобщенности. Второе понятие указывает на факты низшего порядка обобщения, максимально приближенные к юридической практике и казуистике, упорядоченные в рамках системы права. Система понятий теории юридических фактов охватывает разноуровневые по обобщенности факты и требует высокого уровня теоретического знания. Первая близка к понятию классификации, вторая – к структурным частям системы права. Ошибкой является утверждение об отсутствии системы понятий теории юридических фактов только на том основании, что она отлична от современной.

Создание классификации – это важный момент в становлении любой теории, так как она наиболее доступным и понятным способом помогает выявить свойственные изучаемому объекту закономерности. Отсутствие римской классификации юридических фактов – еще одно из оснований отрицания теории юридических фактов в Древнем Риме. В рамках институционной, казуальной системы права построение даже очень логичной, но отвлеченной системы понятий юридических фактов было затруднительно, так как противоречило римскому правопониманию. Для этого необходимо сменить системное видение права, что и сделала пандектистика. Однако проведенное исследование известных римским правовым источникам видов юридических фактов говорит о том, что все ныне известные виды фактов знакомы римлянам, т. е. классификация юридических фактов в Древнем Риме существует латентно и начинает проявляться понятийно. Это свидетельствует о преемственности в понимании видового деления юридических фактов у римлян и у нас.

Заключение. Таким образом, римская юриспруденция выработала основы того, что сейчас именуется теорией юридических фактов. Различая понятия «система юридических фактов» и «система понятий теории юридических фактов», автор пришел к выводу о наличии в Древнем Риме развитой системы юридических фактов и формирующейся на уровне концепции системы логичных и устойчивых понятий теории юридических фактов, воспринятых и развитых последующей правовой наукой.

Список использованных источников

1. *Franciosi, Gennaro.* Corso istituzionale di diritto romano / Gennaro Franciosi. – Torino: G. Giappichelli editore, 1997. – P. 40–63.
2. *Grosso, Giuseppe.* Problemi generali del diritto attraverso il diritto romano / Giuseppe Grosso. – Torino: Giappichelli editore, 1994. – 193 с.
3. *Guarino, Antonio.* Diritto privato romano / Antonio Guarino. – Napoli: Editore Jovene, 1997. – 1140 с.
4. *Burdese, Alberto.* Fatti giuridici / Alberto Burdese // Manuale di diritto privato romano. – Torino: UTET, 1993. – P. 181–219.
5. *Voci, Pasquale.* Atti giuridici / Pasquale Voci // Istituzioni di diritto romano. – Milano: A. Giuffrè editore, 1996. – P. 117–167.
6. *Bonfante, Pietro.* Istituzioni di diritto romano / Pietro Bonfante. – Milano: A. Giuffrè editore, 1987. – 780 p.
7. *Pastori, Franco.* Gli istituti romanistici come storia e vita del diritto / Franco Pastori. – Milano: Cisalpino–Goliardica, 1988. – 722 с.

8. *Витушко, В. А.* Курс гражданского права. Общая часть: в 5 т.: науч.-практ. пособие / В. А. Витушко. – Минск: БГЭУ, 2002. – Т. 2. – 717 с.

9. *Иоффе, О. С.* Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «Хозяйственного права» / О. С. Иоффе. – М.: Статут, 2000. – С. 12–41, 623–696.

10. История политико-правовых учений: учеб. пособие для вузов / под ред. А. Н. Хорошилова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. – 344 с.

11. *Иоффе, О. С.* Основы римского гражданского права / О. С. Иоффе, В. А. Мусин. – Л., 1974. – 156 с.

12. *Нерсисянц, В. С.* Философия права: учеб. для вузов / В. С. Нерсисянц. – М.: ИНФРА-М-Норма, 1997. – 647 с.

13. *Суханов, Е. А.* Влияние римского права на новый Гражданский кодекс Российской Федерации / Е. А. Суханов, Л. Л. Кофанов // *Ius antiquum. Древнее право.* – 1999. – № 1. – С. 7–21.

14. *Павлов В. П.* Проблемы теории собственности в российском праве: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / В. П. Павлов. – М., 2002. – 238 с.

15. *Marrone, Matteo.* Istituzioni di diritto romano: ius, fonti, processo, fatti e negozi giuridici, persone e famiglia, cose, diritti reali, possesso, obbligazioni / Matteo Marrone. – Palermo: Palumbo, 1989. – 931 с.

16. *Дождев, Д. В.* Римское частное право: учеб. для юрид. вузов и факультетов / Д. В. Дождев. – 2-е изд., изм. и доп. / под общ. ред. В. С. Нерсисянца. – М.: НОРМА-Инфра-М, 2000. – 784 с.

17. Антология мировой правовой мысли: в 5 т. / Нац. общ.-науч. фонд; рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин. – М.: Мысль, 1999. – Т. 1: Античный мир и Восточные цивилизации. – 1999. – 750 с.

18. *Малков, А. Д.* Сущность договора в римском праве / А. Д. Малков // *Ius antiquum. Древнее право.* – 1999. – № 1. – С. 180–187.

19. *Савельев, В. А.* Римское частное право: Проблемы истории и теории / В. А. Савельев. – М.: Юристъ, 1995. – 175 с.

20. *Biondi, Biondo.* La terminologia romana come prima dommatica giuridica // *Scritti giuridici* / Biondo Biondi. – Milano: A. Giuffrè editore, 1965. – Vol. 1. – P. 121–215.

21. *Talamanca, Mario.* Istituzioni di diritto romano / Mario Talamanca. – Milano: Dott. A. Giuffrè editore, 1990. – 829 с.

22. Теория государства и права: учебник / под ред. В. П. Малахова, В. Н. Казакова. – М.: Академич. проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2002. – 576 с.

23. Формирование системы римского права // Жреческие коллегии в Раннем Риме. К вопросу о становлении римского сакрального и публичного права / отв. ред. Л. Л. Кофанов. – М.: Наука, 2001. – Гл. 10. – С. 299–308.

24. *Савиньи, Ф. К.* Обязательственное право / Ф. К. Савиньи; пер. с нем. В. Фукса и Н. Мандро; предисл. В. Ф. Попондопуло. – СПб.: Юридич. центр Пресс, 2004. – 576 с.

25. *Летяев, В. А.* Необходимость и достаточность рецепции норм римского права в России XIX – начала XX в. / В. А. Летяев // *Ius antiquum. Древнее право.* – 2000. – № 1. – С. 194–202.

26. *Москаленко, И. В.* Роль юридической науки в формировании и развитии гражданско-правовых понятий: история и современность / И. В. Москаленко // *Современное право.* – 2004. – № 11. – С. 63–67.